

Что приносят зрителям фильмы, хоть и снятые с добрыми намерениями, но эффектно демонстрирующие варианты насилия и издевательств над человеком? Дурман беспредельного антигуманизма может стать не менее опасен, чем наркомания. Неужели казенный, печатью удостоверенный оптимизм фильмов времен Сталина — Брежнева нынче в честь свободы творчества просто-напросто смнен на тотальный пессимизм экрана, захлебывающийся кровью и грязью? По словам Маркса, «человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека». Для зрителя герой — зеркало. Ис-

В кинематографе идет жаркая суета вокруг кооперации, вокруг совместных зарубежных кинопостановок — ласкает и губит всеопределяющий хозрасчет. В фильмотворчество начальственно вступает «золотой телец». Результат на экране: ширпотребные скороспелки с крупноплавленными узорами из наркомании, секса и насилия — вредный, отравляющий выброс в душу зрителя. Выбор темы, ее раскрытие, пафос содержания заранее высчитывается возможностью заработка, нередко попирая и та-

дальше — до Аполлинера, Блока, Маяковского, Хемингуэя, Элюара, Пастернака» (Эренбург). И вот обогатившая человечество высокая поэзия любви сброшена с «корабля современности». А теперь назад, к мухам, так, что ли?

Подчас и серьезная, набравшая тема пропитывается соусом порнографических забав, используя то, что давно заплесневело в западной кинематографии. Но, как говорится, чем бы зритель ни тешился, лишь бы деньги платил.

А еще во многих фильмах —

Александр ЗАРХИ

Советский фильм - Москва - 1990 - 29 января

ЗАТУМАНЕННОЕ ЗЕРКАЛО КИНО

СУБЪЕКТИВНЫЕ ЗАМЕТКИ НЕИСПРАВИМОГО МЕЧТАТЕЛЯ

ли оно служит не пассивному созерцанию, а внушает стремление к личностному самосовершенствованию — это и определяет значение фильма.

Несомненно, я рискую быть ложно понятым, осмеянным, обруганным. Два ширпотребно склеенных слова — «положительный герой» — не зря вызывают в памяти персонажи, далекие от жизни и от искусства, построенные на обмане, на лицемерии, на однозначной плакатности. Теперь, слава богу, подобные одномерные фигуры удаляются лишь горько-насмешливого упоминания в фельетонах. Жаль только, что пошлые персонажи затаившихся лихолетий вместе с собой утащили в тень, а порой и в забвение, тех героев, что некогда появились в фильмах, не опорочив ни наш кинематограф, ни его создателей.

Где же ныне образ человека, который мечтой, верой, духовной красотой ворвется в будущее? Хочу думать, что они есть, эти люди. Они на окраинах, они рядом, но все еще не видны в затуманенном зеркале кино.

лант, и индивидуальность художника. Примирить искусство с хозрасчетом так же трудно, как огонь с водой. Я не единственный, кто, исходя из опыта своего и коллег, с тревогой говорит об этом.

Еще раз скажу, что мне кажется неразумным отвергать фильм за способ художественной аргументации, предложенной в нем идеи. Но когда режиссеры полагают извратиться от захлеста серятины демонстрацией беспощадно пролитой крови, или искусным избиением, или вариантами половых актов, то за этим заманчиво расцветает культ насилия. Жестокосердие — пусть правдивых и даже иной раз талантливых фильмов — вызывает не грех осуждения, а взрыв подражания. Благотворная, наконец-то явленная свобода творчества унижается до уровня вседозволенности, до предательства нравственности и любви. А между тем: «Половое влечение свойственно даже мухам, но для того, чтобы оно стало любовью, потребовались тысячелетия искусства — от древних критян и Калидасы до Гете, Стендаля, Толстого и

только бы не отстать от действительности, от улицы, от навыков молодежи — обильно, смачно лется сквернословие. В жизни каждого поколения меняется словарное построение разговорного языка, возникает свой жаргон — смесь блатных словечек и сиюминутных звучаний. Но матершина! Это плевок на богатейшую выразительность и гибкость русского языка, на нашу культуру.

Думаю о кино: грустно наблюдать, как обретая с перестройкой свободу творчества, кинематографисты предают духовный мир зрителей, занимаясь кадроблудием. И в такой неблагоприятный час!

Справедливости ради надо признать, что печаль пустующих кинотеатров — это не только результат неувлекательных фильмов, есть на то и другие причины. Виктор Шкловский, некогда пламенный участник и поклонник кинематографа, объявил на склоне лет телевизор другом человека. Полагаю, то была благодарность преклонного возраста. Даже если телевизор обогатится экраном во

(Окончание на 4-й стр.)

153

(Окончание.)

Начало на 1-й стр.)

всю стену жилой комнаты, не-возможно, чтоб это уничтожило желание смотреть фильмы в кинотеатре. Зрелищные искусства в людском общении производят более горячее и стойкое — положительное или отрицательное — впечатление. В этом случае индивидуально возникшие эмоции возгораются в столкновении с восприятием соседей и приобретают значимость общественного явления.

И это уходит в прошлое? От-

сов. фильм. - 1990. - 29 января

ЗАТУМАНЕННОЕ ЗЕРКАЛО КИНО

СУБЪЕКТИВНЫЕ ЗАМЕТКИ НЕИСПРАВИМОГО МЕЧТАТЕЛЯ

служило?! И лучшим памятником кино будет видео? А все же, может быть, еще рано отпевать кино? Может быть, найти способ воскресить его?

Мечты? А вдруг! Ведь не иссякли таланты, энергия, жажда обретения подлинного мастерства у кинематографистов! Тому доказательством некоторые фильмы, созданные за последние годы, где режиссерам удалось выразить «образ и давление времени», как говорил Шекспир применительно к спектаклю.

Беда в том, что если раньше кинематограф угнетали запреты, то теперь он задыхается в тисках экономики. Производство фильмов требует серьезных материальных затрат. Самое дешевое в советской кинематографии — это стоимость творческого труда его созда-

телей. Но сейчас не время на это жаловаться.

Когда перестройка задыхается то о позорное человеческое нерадение, то о разбушевавшуюся преступность, то об апокалиптически обесмысленную, где-то бунтующую, где-то бедственно утасаживающую природу, то о кроваво озлобленную национальную рознь, и все вместе упирается в обескровленную экономику, — мне кажется, в такой критический момент на помощь обществу дол-

матику и предполагают ее «модную» выразительность с оглядкой на кассу, которая зачастую губит самые прекрасные замыслы, самые пылкие труды и искреннее стремление говорить со зрителем на языке искусства.

Как быть? Со всех сторон обступили неотложные экологические надобности, а затраты на продовольствие, на медици-

Александр ЗАРХИ

жна прийти целебная магия искусства.

«Осознанность народом своего бытия есть, может быть, самая большая сила, которая движет жизнь», — сказал Вернадский. Воплотить на экране эту мысль в образе героя, конечно, не однолинейного, не прилизанного, не сухого, не послушного мне представляется сейчас самой главной гуманитарной задачей кинематографа.

К сожалению, вот так раз-мечтаешься, а в тебя вливается колючий вопрос: а деньги? Для производства фильма нужны деньги и немалые, особенно принимая во внимание нашу ветхую, немощную съемочную технику времен плуга и примуса. Как я уже упомянул, самоокупаемость и самофинансирование органичивают те-

ну, на строительство, на нуж-ды всего первостепенного, во-пниюще дефицитного. И все-таки, все-таки, все-таки деньги находятся. Уже вонзились в нашу повседневность, в нашу русскую речь слова: спонсор, менеджер, продюсер. Не выходя из круга этих слов, добавлю еще одно: «меценат». И в лице его — до крайности необходимое кинематографу государственное меценатство. Проще говоря, дотация. Этого требует священная проблема одухотворения общества.

Не пора ли помочь кинематографу в избавлении души человеческой от скверны греховных наслоений прошлого и, увы, настоящего?...